

## **«Шинель» Гоголя: притча в облике анекдота**

При создании «Шинели» одним из источников сюжета, как известно, послужил Гоголю «канцелярский анекдот» о бедном чиновнике, потерявшем ружье, на которое он долго копил деньги. Здесь понятие «анекдот» соединяет в себе непридуманную историю и курьезный случай. Созданная по его канве, повесть, в черновом варианте называвшаяся «О чиновнике, крадущем шинели», на долгое время приобрела анекдотическое звучание с акцентуацией курьезности, комичности сюжета. Модальность смешного, несурзадного происшествия актуализировалась повествовательной поэтикой текста, где на первый план выдвигались фарсовые, комические элементы авторского идиостиля, детально проанализированные в работе Б. Эйхенбаума «Как сделана „Шинель“ Гоголя». Соответственно главный герой повести до недавнего времени воспринимался не иначе как объектом крайнего авторского уничижения и насмешки, за чем усматривалась в том числе и насмешка писателя над самим собой<sup>1</sup>.

Однако подтекстный слой поэтики, вступающий в контрапунктные отношения с внешнепоэтическим планом, придает курьезной истории притчевое измерение. Ключевую функцию выполняет в таком жанровом сдвиге комплекс библейских лейтмотивов, прошивающих окказиональную риторикою текста, формируя его поучительный смысл посредством мерцающего намека.

В работах последних лет особенно активно осмысливается влияние житийной традиции на жанр повести Гоголя, начало чему было положено Г.П. Макагоненко<sup>2</sup>. При этом остается проблематичным ее фи-

---

<sup>1</sup> См., напр., работу А.К. Жолковского «Перечитывая избранные описки Гоголя», в которой автор, в частности, пишет: «Гоголь начинал одновременно как возвышенный, но неудавшийся Романтический Поэт и как Бедный Чиновник, сродни предшественникам его собственных „маленьких людей“. Он добился производства в Авторы, занимаясь амбивалентным возвышением/снижением себя и своих героев до уровня Хлестакова и Башмачкина» (*Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 72).

<sup>2</sup> См., напр.: *Макагоненко Г.П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1983; *Дилакторская О.* Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. Владивосток, 1986; *Де Лотто Ч.* Лествица «Шинели» // Вопросы философии. 1993. № 8; *Манн Ю.* Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1; *Карасев Л.В.* Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995; *Емец Д.* Какие чувства связывали Акакия Башмачкина с его ши-

нал, который, на наш взгляд, и играет ключевую роль в тайнописном смыслообразовании «Шинели», являясь своеобразным «выкладом» к ее притчевому сюжету. Начнем, однако, *ab ovo*, с самого начала «приклада», пользуясь жанровой терминологией, и остановимся на имени героя: Акакий. В исследовательских работах традиционно приводится его значение как «незловивый», однако это лишь часть семантики имени, которое в переводе с греческого означает также «невинный»<sup>3</sup>. Но Гоголь назвал своего героя не просто Акакием, а Акакием Акакиевичем, то есть «дважды незловивым», «дважды невинным», или «незловивейшим», «невиннейшим». Немаловажен при этом такой кажущийся парадоксальным аргумент, что герою якобы «никак нельзя было дать другого имени... это случилось совершенно по необходимости»<sup>4</sup>. Не останавливаясь подробно на комической стороне сюжетной ситуации имянаречения, чему отдана богатая дань в литературоведении, заметим, что за травестийным планом у Гоголя всегда скрывается серьезный подтекст. Так происходит и в данном случае: отбрасыванием неблагозвучных вариантов и остановкой на отцовском имени автор непрямым образом дает понять, что само именование героя носит сакральный характер, наделяется статусом божественного предназначения. Парадоксальность ситуации усиливается тем, что имя Акакий также не отличается благозвучностью и вполне встраивается в отвергнутый список, наряду с Дулой или Варахасием, что становится особенно рельефным в варианте дублирования. Можно согласиться с Б. Эйхенбаумом в том, что для Гоголя — не только сказителя, но и прекрасного «исполнителя, почти комедианта» это была счастливая находка. Из всех приведенных в тексте имен вариант *Акакий Акакиевич* повторяющимся в нем звукосочетанием «акаки», пожалуй, наиболее неблагозвучен. Однако не меньшей удачей оказалось для Гоголя то, что за явным неблагозвучием скрыта семантика поистине ангельской чистоты.

И натура героя действительно соответствует нареченному имени: он кроток и чист сердцем; он не запятнан грязью земной жизни и вообще мало замечает ее — вспомним хотя бы ситуации, в которых он осознает себя стоящим посередине улицы лишь после того, как «лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый

---

нелью? Толкования повести Н.В. Гоголя. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/dmitrii-emec/emetsd45/page-7-emetsd45.html>.

<sup>3</sup> См.: Православный церковный календарь. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1996. С. 72.

<sup>4</sup> *Гоголь Н.В.* Шинель // Гоголь Н.В. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 476. Далее цитаты из текста повести приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках. Курсив в цитатах наш. — *Е.П., П.П.-Я.*

ветер в щеку» (478). Своим поведением и отношением к миру он напоминает ребенка. В этом плане символический смысл приобретает одна из авторских характеристик Башмачкина, который, «если и глядел на что, то видел на всем *свои чистые... строки*» (478). Мотив чистоты пересекается со вторым значением имени героя: «невиннейший», отсылая, в свою очередь, к христианским заповедям блаженства: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю... Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5: 5–8), а также к тому евангельскому эпизоду, где Христос благословляет детей: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди их и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 2–3). Так, на заднем плане анекдотически курьезных сюжетных ситуаций проступает жизнеописание героя с чистой душой, что придает его «чистым строкам» символический оттенок пишущейся им самим книги собственной жизни. То есть у истории Акакия Акакиевича оказывается два скриптора: автор и сам герой. Здесь существенно то, что анекдотические напластования в авторской повествовательной речи, помимо собственно поэтической игры, вызывают ассоциации с игрой иного, метафизического плана, отражающей искривления Высшего Замысла о человеке в житейской мути земных обстоятельств. Взор же героя до искушения шинелью сохраняет свою первозданную чистоту, что отличает его от авторского взгляда на мир, «регистрирующего» несоответствия между реальным и идеальным через поэтику гротеска.

Своей крайней незлобностью и терпением Акакий Акакиевич, как верно указывают исследователи «Шинели», действительно напоминает преподобного Акакия, прославившегося в среде подвижников христианства подвигом послушания и незлобия. Напомним тот фрагмент, где молодые чиновники забавлялись, сыпля ему на голову бумажки и говоря разные гадости, и где он не отвечал на это ни слова и продолжал спокойно заниматься своим делом. Отметим этот акцент, указывающий на то, что Акакий Акакиевич подсознательно чувствует границы собственного мира, на что в свое время обратил внимание Б. Эйхенбаум, определив одушевленный мир Башмачкина не как «ничтожный», а как «свой». (К проблеме «ничтожности» героя мы еще вернемся ниже.) И только в слишком уж невыносимой ситуации он отвечал: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» (477). Но и эти слова произносились голосом, в котором слышалось что-то такое «преклоняющее на жалость», а никак не гнев и не озлобленность.

Однако именно абсолютная герметичность, замкнутость героя в «своем» малом мире играет с ним дурную шутку. Отсутствие жизненной искушенности лишает его того житейского опыта, который один

только открывает путь к инициальному сдвигу, духовному мужанию и «самостоянию», говоря пушкинским языком, и позволяет не только сохранить, но и нарастить свое внутреннее богатство. Внутренняя замкнутость Акакия Акакиевича провоцирует восприятие его критикой как героя, имеющего только «внешнюю форму», что еще В. Розанов отметил в качестве ведущего поэтического принципа Гоголя: «Он был гениальный живописец внешних форм, и изображению их... придал... такую жизненность, почти скульптурность, что никто не заметил, как за этими формами ничего в сущности не скрывается, нет никакой души, нет того, кто бы носил их...»<sup>5</sup> Однако в случае с героем «Шинели» авторское слово способом минус-приема фиксирует то зияние, которое существует в сознании самого Акакия Акакиевича: его живая душа сокрыта от читателя прежде всего потому, что не осознана героем как собственная высшая ценность. Именно это свойство задает ему статусные параметры «маленького человека», что, однако, совсем не является синонимом «ничтожности» или «мелкой личности».

По мысли автора, исполнить свое предназначение человек способен на любом жизненном поприще, независимо от его масштабов, ибо люди приходят в этот мир разными: одному уготована судьба императора, другому — полководца, а кому-то — коллежского регистратора. Мысль о равенстве людей перед Богом звучит в финальной части повести, где Гоголь описывает смерть Акакия Акакиевича и через прием параллелизма ставит судьбу своего невыдающегося героя в один ряд с судьбами «царей и повелителей мира» (485). Более того, он представляет смерть Башмачкина, при всей ее незамеченности, как потерю для Петербурга, переходя на высокую стилистику («И Петербург остался без Акакия Акакиевича...» (485)). Такой взгляд на присутствие человека в мире тесно переплетается с библейской традицией, актуализируя ту идею, что масштаб человеческого бытия измеряется не внешними достижениями, а внутренними горизонтами души. Проблема, однако, в том, что, создавая книгу своей жизни, Башмачкин делает это «вслепую» (к мотиву слепоты мы еще вернемся ниже), бессознательно. Отсутствие самосознания признано критикой и исследователями самым главным отличительным свойством гоголевского героя, выделяя его в ряду созданных литературой образов «маленьких людей». Именно здесь происходит разделение компетенций автора и персонажа: Гоголь понимает, что происходит с его героем, герой не осознает того, что происходит с ним, и автор не раз отметит это свойство в характеристиках Башмачкина (о чем также см. ниже). Не осознавая себя

---

<sup>5</sup> См.: *Розанов В.В.* Мысли о литературе. М., 1989. С. 51, 52.

обладателем ценнейшего духовного дара, он легко его теряет, так и не прочувствовав понесенной утраты. Авторская ирония, язвительность речи, часто соотносимая с репликами тех молодых чиновников, которые «подсмеивались и острились» (476) над ним, на наш взгляд, одним из своих модусов направлена на свидетельство не уничижительного, а предельно серьезного отношения Гоголя к своему герою, которому он предьявляет большой счет, соответствующий духовному правилу: «кому много дано, с того много спросится».

Хотя, справедливости ради, следует отметить, что Акакий Акакиевич очень долго сопротивляется предложению Петровича о пошиве новой шинели. Даже после «приговора» портного, определившего, что старую шинель уж никак починить нельзя, он упорно не оставляет мысль о починке старого «капота», как будто интуитивно предчувствуя, что появление в его жизни непривычной для него вещи повлечет разрушение того особого мира, в котором он пребывал все прежнее время<sup>6</sup>. Этот фрагмент сюжета соотносится с фазой искушения святого в житийных текстах и густо пересыпан сигнальными деталями. Прежде всего, сам образ Петровича выписан в красках inferнальной поэтики, недвусмысленно намекающих на демона-искусителя, посягнувшего на невинную душу. Из скудных сведений о странном портном также явствует, что живет он «где-то в четвертом этаже по *черной* лестнице» (480) и что иметь с ним дело можно только после того, как «осадишься сивухой, *одноглазый черт*» (481). И еще в двух местах повести Гоголь упоминает нечистую силу, и оба эти упоминания связаны с характеристикой Петровича: «В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь разнесла его *нелегкая* запросить такую цену» (484); «Но при всем том, как только узнал, в чем дело, точно как будто его *черт* толкнул» (484).

При первом посещении портного-«черта» и его словах, что «худой гардероб» уж никак не поправишь, «у Акакия Акакиевича... *екнуло сердце*» (482), после чего он долго уговаривает Петровича поискать

---

<sup>6</sup> Возможно, при обдумывании сюжета «Шинели» одним из источников послужило Гоголю слово митрополита Филарета (Дроздова) «Против роскоши в одежде и убранстве» (1820), о чем см.: Пивоваров А. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Источниковедение в школе. 2009. № 1–2: К 200-летию Н.В. Гоголя. С. 99–108. Это предположение приобретает статус адекватности, если учесть, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писатель уже от своего имени выступает с поучениями против роскоши в одежде. См. об этом: Долгушин Д., священник. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 30–35.

какие-нибудь кусочки и ими укрепить ползущие места своей старенькой шинели. А после слова «новая» «у Акакия Акакиевича *затуманило в глазах*, и все, что ни было в комнате, так и пошло перед ним *путаться*» (482). Этот момент становится поворотным в судьбе героя, знаменуя начало его духовного *отпадения*: одним изреченным словом Петровича «чистые строки» его жизни оказываются смазанными, на что указывают возникающие в эпизоде мотивы *уничтоженности, сна, поворота в другую сторону*: после долгих уговоров, закончившихся категоричным отказом портного выправить старую шинель, «чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила», Акакий Акакиевич выходит от него «совершенно уничтоженный», идет по улице «как во сне» и вместо того, чтобы направиться домой, «пошел совершенно в противную сторону, *сам того не подозревая*» (483).

Утрата духовной чистоты символизирована в тексте встречей героя с трубочистом, который «задел его всем *нечистым* свои боком... и *вычернил все плечо* ему», после этого еще «целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строящегося дома» (483). Вычерненное плечо ассоциируется с ангельским падением / падением святого — утратой белизны ангельского крыла / одежд святого. Но Акакий Акакиевич по-прежнему ничего этого не замечает и не способен распознать посылаемые ему свыше символические намеки. После того как он наконец обнаруживает, что идет не в ту сторону, и поворачивает домой, он вновь возвращается к мыслям о Петровиче, решив прийти к нему в воскресенье с подношением на похмелье и вновь попробовать уговорить на починку старого капота. Это опаматование Акакия Акакиевича можно соотнести с тем фрагментом притчи о блудном сыне, где евангельский герой, «пришед в себя» после долгих скитаний, решается вернуться в дом отца. Однако, в отличие от героя притчи, решение Акакия Акакиевича дела не меняет: Петрович вновь настаивает на том, что старую шинель не починить, и в своей последующей речи расписывает ему достоинства его будущей обновы, искушая модным воротником, который «будет застегиваться на серебряные лапки под апплике» (484). После этих слов, отмечает Гоголь, Акакий Акакиевич «поник и совершенно пал духом» (484). Кроме семантики «впадения в отчаяние», эта гоголевская ремарка усиливает намек на падение героя.

После того как Акакий Акакиевич не выдерживает повторного искушения, главное место в сюжете повести начинает занимать образ шинели, которая постепенно все больше овладевает сознанием бедного чиновника и в итоге меняет весь строй его жизни, действительно разрушив «свой» мир Башмачкина. Дальнейший процесс его духовного нисхождения отличается тем, что он уже совершенно очищен от

сомнений, словно душа его, лишившись духовных одежд — «совлекши» свою «ризу светлу», данную при крещении и наречении имени<sup>7</sup>, нашла себе новое одеяние, полностью вместившись в границы «шинели на толстой вате», подтвердив евангельскую максиму: «где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Мф. 6: 21). Герой теперь выискивает все новые возможности для ее пошива. Чтобы накопить немалую для него сумму денег — 80 рублей, он решает, «что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки... изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи...» (485) и лишить себя множества других бытовых «излишков». Среди запретов, которые наложил на себя Акакий Акакиевич, особое место занимает голодание: «даже он совершенно приучился голодать по вечерам» (485), — представляющее пародией на христианское постничество, как и его восприятие «идеи будущей шинели» своего рода «пищей духовной»: «...с этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился... как будто... какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — *и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу*» (485).

Заявленная в начале фразы романтически возвышенная интонация разбивается об ее ироническое завершение, мгновенно разрушающее идиллическую картину. Сама же параллель *шинель* — *невеста* вновь звучит пародией на христианскую образность, где за метафорой Невесты Христовой стоят образы Церкви и Богородицы — Богоневесты, «Невесты Невестной». Акцентируя вещную тяжесть шинели, автор показывает абсурдность совершенной героем подмены вечного временным, духовного земным, что вызывает также аллюзии на библейскую историю Исава и Иакова о променянном за чечевичную похлебку первородстве.

Следующая фаза посвящена предельно детализированному изображению того, как Акакий Акакиевич каждый день ходит к Петровичу, взбираясь по его черной лестнице, советоваться о выборе сукна, о том, какой бы мех поместить на воротник, и пр. Здесь травестируются два духовных сюжета: *хождение к святыне / святым местам* и *лестницы*. Мотив лестницы отсылает нас к богословскому труду преп. Иоанна Лествичника «Лествица», в котором духовный путь человека представлен восхождением по ступеням добродетелей к достижению

---

<sup>7</sup> «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою», — поется в чинопоследовании Таинства крещения.

святости. Таким и предстает в «Лествице» житие преп. Акакия<sup>8</sup>. Однако, в отличие от своего святого, Акакий Акакиевич взбирается «по лестнице, ведущей к Петровичу» (480), т.е. совершает путь своего духовного нисхождения, равнозначный падению с «лестницы», на которой ему с самого рождения принадлежала высшая ступень.

Параллельно с хождениями к Петровичу отступление героя от себя маркируется также через перемену его отношения к «своему делу»: переписыванию бумаг в канцелярии. Ранее «он служил с любовью» и «ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне» (479) — настолько работа переписчика доставляла ему радость, была для него своего рода творчеством, где он чувствовал себя создателем собственного, пусть цифирного мира, статус которого, однако, повышается соотносением с трудом монахов-переписчиков как «духовным делом». «Более того, — отмечает М. Эпштейн, — если для переписчика священных книг любовь к букве вытекала из любви к смыслу, то для переписчика казенных бумаг, каков Акакий Акакиевич, любовь к букве не поддерживается ничем, никаким величием смысла — она прямо обращена к малому и жертвует ему всеми силами и мастерством»<sup>9</sup>. Теперь же, погруженный в мысли о новой шинели: о том, не положить ли и вправду куницу на воротник, — он уже мог упасть в рассеянность и допустить ошибку в переписывании, теряющим для него статус священнодействия.

Итак, с появлением в жизни Акакия Акакиевича новой идеи фикс меняется не только его образ жизни, но и строй его мыслей. Даже сердце Башмачкина, «вообще весьма покойное», вдруг «начало биться» (485). Кажется, жизнь стала разнообразнее, интереснее: чего стоят походы с Петровичем в лавки — применяться к ценам, выбрать сукна и коленкору на подкладку, кошку на воротник — самую лучшую, «которую издали можно было всегда принять за куницу» (486). Но интерес этот замыкается в еще более узкой, чем ранее, сфере, смещаясь в мир вещный и сужаясь до размеров одной вещи.

И без того сбитый такт жизни сбивается еще больше, когда шинель сшита и Акакий Акакиевич впервые выходит на улицу в своей выстраданной обнове. В этот момент искушение героя переходит в иную фазу. Сменив, наконец, свой старый «капот», он идет в департамент «в самом праздничном расположении всех чувств» (487). Любопытно

---

<sup>8</sup> См.: Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника Лествица. СПб., 1995. С. 63–64.

<sup>9</sup> Эпштейн М. К образу переписчика: Акакий Башмачкин и князь Мышкин // Эпштейн М. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М., 2006. С. 32.

пронаблюдать, насколько изменилась природа этих самых «чувств», а также манера поведения героя. Поначалу теряясь и стыдясь оттого, что он стал вдруг центром всеобщего внимания, Акакий Акакиевич вскоре начинает испытывать удовольствие, когда вспоминает, «что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели» (487). Его теперь радует возможность стать участником светского вечера, куда до той поры его никогда не приглашали. А после обеда, во время которого он чувствовал себя «весело», Акакий Акакиевич «уж ничего не писал... а так немножко посибаритствовал на постеле ...» (487). Таким образом, если ранее гоголевский герой выделялся из общего обывательского круга, то теперь оказался полностью в него вписанным. Новая шинель превращает его в одного из многих — такого, как все. Путь героя на вечеринку и обратно отмечен многими знаковыми деталями и подробностями, неожиданными для него самого. То он вдруг «остановился с любопытством» перед витриной, где была картина, изображающая красивую женщину, «которая скидала с себя башмак, обнажив таким образом всю ногу, очень не дурную» (488), то, возвращаясь домой, он «даже подбежал было *вдруг, неизвестно почему*, за какую-то дамою... у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения». Акакий Акакиевич подивился при этом «*неизвестно откуда* взявшейся прыти и пошел дальше» (489). Любопытно, что на этом этапе у героя появляется способность к самонаблюдению, однако источника перемен в себе он по-прежнему определить не в состоянии, о чем свидетельствуют авторские ремарки: «вдруг», «неизвестно почему», «неизвестно откуда» и другие им подобные.

Эпизод возвращения Акакия Акакиевича домой отмечен пересечением границы миров («Он приблизился к тому месту, где *перерезывалась улица* бесконечною площадью» (489)), знаменующим его вступление в лиминальную фазу испытания смертью — наиболее опасную в духовном плане. Топика смерти означает мотивами *пустыни*: «страшную пустыню» видится Башмачкину «бесконечная площадь»; *конца света*: будка с мелькающим огоньком кажется ему стоящей «на краю света»; *морской переправы*: «Он вступил на площадь... оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него» (490). Безбрежная площадь-море символизирует также море жизни, «житейское море», которое преодолевается Акакием Акакиевичем в страхе и вслепую: «„Нет, лучше и не глядеть“, — подумал он и шел, закрыв глаза» (490). В таком самоослеплении, ассоциирующемся с духовной слепотой, он и достигает границы миров, что служит символическим намеком на скорое окончание его жизненного пути, становится предвестием смерти героя, а встреча с ворами-разбойниками маркирует его духовное

вступление в «нижний мир»: «...когда открыл их [глаза], чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел *вдруг*, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить» (491).

Этот микроэпизод стягивает на себя весь сюжет повести, служа его символической репрезентацией: движение героя по жизни наугад, боязнь взглянуть в лицо собственной судьбе, по существу, и становится истинной причиной кражи шинели — читай: падшей души, ставшей легким достоянием инфернального мира.

Следующий этап — хождение по канцелярским мукам в поисках пропавшего сокровища — заканчивается болезнью и смертью Акакия Акакиевича, в которой исследователи склонны винить чиновно-бюрократическую систему во главе со «значительным лицом»: «Неправедные представители власти „в союзе“ с неумолимым петербургским морозом и довели искавшую у них защиты и покровительства жертву до тяжелой болезни и смерти»<sup>10</sup>. Действительно, на фабульном уровне вся вина за смерть Башмачкина ложится на бездушных сотрудников канцелярии. Однако неучтенным остается то ключевое обстоятельство, что по присутственным кабинетам он ходит уже в состоянии измененного сознания, отдавшись одной единственной цели: вернуть утраченное сокровище — «шинель на толстой вате». О степени измененности сознания героя свидетельствует его поведение в «болезни к смерти», больше похожее на *одержимость*: «Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: *то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла...* то, наконец, даже сквернохульничал, *произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась...*» (495).

Таким образом, перед нами разворачивается трагическая история человеческого сердца, изначально чистого, но постепенно заражающегося идеей собирания «земных сокровищ» (ср.: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6: 19–20)) и претерпевающего онтологическую дезориентацию, доведенную

---

<sup>10</sup> Бельтраме Ф. Мотивы обиды и возмездия в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 79. См. также: Николаев Д. Сатира Гоголя. М., 1984. С. 213; Ветловская В.Е. Повесть Гоголя «Шинель» (трансформация пушкинских мотивов) // Русская литература. 1988. № 4. С. 62; и др.

до своего логического конца: абсолютной инверсии. В наибольшей степени об этом свидетельствует так называемый фантастический конец повести. Чаще всего в нем видят сюжетную ситуацию возмездия мертвеца<sup>11</sup>, а в притчевом аспекте — «чудо преображения» высокопоставленного чиновника, которое, однако ж, лишь «на миг осветило жизнь, вновь соскользнувшую в концовке в абсурд и пошлость»<sup>12</sup>, т.е. не стало собственно чудом.

Преображения в повести Гоголя так и не происходит, что, собственно, и придает ее сюжету притчевое измерение — в значении урока о недолжном поведении и ответственности человека за свою судьбу. В финале изображена посмертная судьба падшей души — вариация сюжета падшего ангела. Изначально предназначенная раю, потеряв свое высокое достоинство, она оказывается навеки прикованной к «нижнему миру», не находя себе покоя за гробом. В границах мистериальной интерпретации завершение гоголевской повести теряет свою «фантастичность», превращая весь ее сюжет в «страшную историю падения души в ад»<sup>13</sup>. В аспекте житийной традиции история Акакия Акакиевича представляет собой инверсию «кризисного жития», что усиливает ее притчевое звучание.

---

<sup>11</sup> См., напр.: *Куприянова Е.Н.* Н.В. Гоголь // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С. 575; *Бельтраме Ф.* Мотивы обиды и возмездия в повести Н.В. Гоголя «Шинель»; и др.

<sup>12</sup> *Дилакторская О.Г.* Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. С. 176.

<sup>13</sup> *Петренко В.Ф., Супрун А.П.* «Шинель» Гоголя: христианская притча и буддийский коан // *Общественные науки и современность.* 2012. № 2. С. 164.